

ПЁС
И
ЕГО ЧЕЛОВЕК

16+

16+

Денис Вепс
Пёс и его Человек

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Вепс Д.

Пёс и его Человек / Д. Вепс — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Бродягами становятся только поневоле. Никто в здравом уме не откажется от тепла и сытости. Лишь обстоятельства могут вынудить зверя или человека пуститься в путешествие, которое непременно окончится смертью. В оформлении обложки использованы фотографии с сайта pixabay.

© Вепс Д., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

I	6
II	8
III	9
IV	11
V	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Всем тем, что проходят мимо, пряча взгляд.

I

Холод. Собачий холод. Дурацкое выражение, придуманное двуногими, как нельзя точно описывающее самые лютые морозы, которые не в состоянии выдержать даже представители нашего рода. Впрочем, собачий холод – дело относительное. Вот взять эту страшилищу Эльзу с Карла-Лютера: проклятая чи хуа хуа может преспокойно валяться в самую дикую стужу на бетонном тротуаре, хотя вместо этого греется денно и ночью у камина, да ещё и под цветастым пледиком, выписанным специально для неё аж из самой Индии. Я – другое дело. Дворнягам вроде меня с жирными сосульками скатавшихся волос вместо пышной шубы приходится туго. Особенно в такие ночи, как та.

Трясаясь так, что лязг моих челюстей был слышен за пару кварталов вокруг, я пробирался тенями, прячась от патрулировавшей улицы машины живодёров. Старушка Судьба, словно в насмешку послала этих лоботрясов, хуже репья прицепившихся к моему хвосту, как будто других беспризорных дворняг в нашем городе не было вовсе. Так или иначе, дрожа от холода и страха, я добрался до заброшенной стройки. Меж торчащих рёбер остова здания, которому, похоже, так и не суждено было обрасти мясом стен, гулял ветер. Ледяные потоки, скользя между ржавеющими штырями, задевали углы, отчего железные изваяния противно и протяжно выли, словно выбравшиеся из могил утопленники. Ни одному нормальному человеку, а уж тем более псу, не пришло бы в голову коротать такую ночь посреди продуваемого пустыря. Но эти-то нормальные и не знали того, что знал я.

Рывком преодолев выжженную холодом пустошь, я нырнул в неприметный тёмный провал лестницы, ведущей в подвал. Кое-что эти горе-строители всё же успели закончить. Там-то я и замер.

Едва мои лапы коснулись последних ступеней, как почти насмерть отмороженный нос учуял запах чужака. Он лежал на моём месте – прямо над люком с трубой, вечно источающей горячую воду. На этот раз, правда, я не услышал запаха клубящегося пара, сладко манящего покоем и теплом – похоже, двуногие всё же устранили течь.

Чужак не шевелился, но был жив. Я слышал, как ворох газет и картонок, которыми он попытался накрыться, тихо шуршал от его мелкой дрожи. Любопытство взяло верх и я, мягко ступая по продрогшему бетонному полу, подкрался ближе.

Около кучи макулатуры лежали обломки досок, клочки бумаги и ещё какие-то жутко вонючие лоскуты. Похоже, чужак пытался разжечь костёр, но окоченевшие пальцы подвели двуногого и тот уполз в угол. Умирать.

Груда газет пошевелилась. Чужак открыл глаза.

Он долго пристально всматривался во тьму, силясь различить своим слабым человеческим зрением того, кто наблюдал за ним. Меня. Затем он пошевелился снова – приподнял ворох макулатуры. Меня обдало вонью помойки, протухшей рыбы и тоски. Тоски такой, что захотелось тут же плюхнуться задом на мёрзлый бетон и, запрокинув пасть, завывать на затянутую плитой и свинцовыми тучами луну.

– Эй, Пёс... – прохрипел чужак, – Залезай. Вдвоём теплее...

Не знаю, почему, но в тот момент я растерял всю осторожность, набитую годами жизни брошенной дворняги. В конце концов двуногому ничего не стоило вскрыть глотку неосторожного пса, чтобы сожрать его на ужин. Я несколько раз видел такой исход. Всё-таки двуногие – самый жестокий народ, от них можно ожидать чего угодно. Но почему-то у меня не возникло даже мысли, что именно это знакомство может для меня плохо кончиться. Возможно оттого, что сил у двуногого едва хватало, чтобы удержать на весу приоткрытое одеяло из газет. Но

скорее всего причиной тому был струящийся смрад тоски брошенного пса, так тесно роднивший меня с ним.

Так или иначе, помедлив всего секунду, я принял приглашение. Чужак тут же обнял меня, накрыв полнейшей лохмотьев засаленной куртки, и уткнулся носом в мою шею. На слипшуюся шерсть упали горячие капли. Чужак плакал.

– Спасибо, – прошептал двуногий.

Со временем тепло наших тел наполнило бумажный конверт из газет, и мы оба провалились в беспамятство.

Так мы пережили нашу первую ночь.

II

Утро начинается не с кофе. По крайней мере, не у бездомных собак и прочих божьих тварей. Наступление нового дня ознаменовывает громогласное урчание пустого брюха, ломота в замёрзших лапах и наползающее вслед за исчезающими сновидениями плотное марево безнадёги. Не хочу показаться нытиком, но утро типичного бродяги – полный отстой.

Утром ничуть не теплее, чем ночью. Ледяной бетон обжигает лапы, лёгкие сводит от морозного воздуха, и всё тело треплет – не спасают ни свалявшаяся шерсть, ни жировая прослойка. Откуда ей, собственно, взяться при нашем-то рационе?

То пробуждение не было исключением. Точнее, в тот раз всё же было кое-что – холод не впивался ледяными иглами под кожу, отчего просыпаться было вроде даже приятнее обычного. Под ворохом разноцветных бумажных одеял покоилось накопленное за ночь тепло, едва уловимо сочившееся сквозь небольшие бреши рваных газет, и единственным, что гнало прочь из спасительного кокона, была страшная вонь. Бродяга, забравшийся в мой подвал, мылся не чаще остальных двуногих оборванцев, выброшенных братьями на улицу. От его укрытого изодранной тканью тела клубами распространялся смрад, от которого жутко свербело в носу. Его лицо застыло, окрашенное мрачной тенью и скреплённое печатью пережитой трагедии. Казалось, жизнь покинула бродягу, оставив недвижимое тело. Но я слышал, как медленно бьётся его сердце. Даже в этом почти затихающем стуке ощущалась непомерная скорбь – реквием по ещё существовавшему, но уже умершему для всего мира. И этот запах... кисло-сладкий аромат заскорузлой, почти разлагающейся плоти и одиночества.

Он открыл глаза. Внезапно. То, что я увидел в них, заставило меня вздрогнуть и зарыться в ворох шуршащей бумаги. Пустота. Стекланный взгляд мертвеца.

Незванный гость, хрипя и хрустя всеми суставами сразу, поднялся, словно восставший мертвец из дешёвого чёрно-белого фильма. В уши полился немелодичный шелест потревоженных листов и хрупкое убежище рухнуло, в тот же миг волна морозного воздуха обрушилась на меня, заставляя вжиматься в ещё тёплый пол. Остатки тепла тут же мгновенно испарились под натиском стылой сырости. Незнакомец долго осматривался, шаря вокруг слепым, невидящим взглядом, словно не понимая, где он находится и как сюда попал. Наконец, он встретился взглядом со мной.

– Привет, дружище, – изобразив подобие улыбки, прохрипел он голосом, надломленным табаком и дешёвой выпивкой.

В ответ я лишь едва махнул хвостом. Что было ещё ему ответить – всё равно ничего не поймёт.

Неловкое знакомство прервало утробное урчание в животе двуногого. Мой желудок, словно услышав призыв собрата, тут же принялся вторить ему. Незнакомец понимающе посмотрел на меня и кивнул в сторону выхода:

– Пойдём. Пора поискать, чем подкрепиться.

III

Поиск еды – единственное, что занимает такого бродягу, как я. Еда. Ты просыпаешься – ищешь её, засыпаешь – тебе она снится. Если повезло, то набиваешь брюхо какой-нибудь плесневелой дрянью, нет – лакаешь воды из лужи и на боковую. Всегда все мысли только о еде.

Тем утром я уже наметил обойти пару свалок, чтобы попытать удачи среди ржавых баков, но любопытство взяло верх над голодом. Мне было интересно, куда направится двуногий и как он собирается искать себе пропитание.

Мой новый знакомый наощупь добрался до лестницы – солнечные лучи и так не жаловали мой подвал своим вниманием, а сейчас, задолго до рассвета, тьму не прорезали даже их отблески. Я с любопытством наблюдал за тем, как двуногий незряче водит перед собой одной рукой, в то же время опираясь другой о шершавую бетонную стену, как он то и дело оступается и спотыкается на выщербленных ступенях обветшалой лестницы. Здесь, в моём мире, огромный могущественный царь природы был беспомощнее новорождённого щенка. Это забавляло. Впрочем, недолго.

Я неслышно скользнул рядом, слегка толкнув его в бедро. Незнакомец вздрогнул от неожиданности, а затем опустил руку. Тяжёлая горячая пятерня легла мне на холку. Было в этом что-то умиротворяющее.

– Спасибо, дружище, – едва слышно прошептал двуногий.

Мы выбрались на морозный утренний воздух. Ветер, бушевавший ночью, немного поутих, но и без его помощи холод поспешно набросился на показавшуюся из укрытия добычу. Холод и голод. Теперь я окончательно чувствовал себя живым. Впрочем, всё эти лишения воспринимались измождённым телом как данность. Если вся эта дрянь не убила тебя в первые годы бродяжничества, то не прикончит и позже.

За пятачком выжженной морозом земли нестройными рядами возвышались дома. Редкие окна мерно сияли тёплым пульсирующим светом, в остальных же отражался сумрак убывающей ночи. Когда-то давно, ещё на заре своей карьеры бродяжничества, я любил подолгу сидеть и смотреть, как пустые провалы оконных проёмов загораются, постепенно разгоняя предрассветную тьму. Тогда, будучи молодым и наивным, я представлял, что в одном из этих окон появится двуногий друг, который примет, обогреет, будет рядом, что где-то там есть место и для меня. Когда-то давно. Теперь я не верю в сказки.

Пока я, погрузившись в воспоминания, смотрел на яркие прямоугольники проёмов, двуногий недвижно стоял рядом, сверля взглядом черноту ночи. Его тоже не было здесь. Я повернул к незнакомцу морду и он, почувствовав на себе пристальный взгляд, посмотрел на меня, словно спросонья, и слабо улыбнулся.

Мы не стали нырять в тёмные бездны подворотен окраины города, а пошли, держась от него на почтительном расстоянии. Злой ветер то и дело швырял нам в морды гроздь ледяной пыли. И всё же здесь, на отшибе, мы оба чувствовали себя лучше, чем в мрачных ущельях бетонных коробок. Город не принимал таких как мы.

Наш путь завершился у станции. Не в том месте, где в мешке из красного кирпича ютились в ожидании своего поезда двуногие, а среди складов и дремлющих составов. Здесь во мраке самого тёмного часа сновали люди. Похожие на муравьёв, выстроившись цепочкой, они волокли из бетонных муравейников–складов ящики и мешки, загружая их в распахнутые створки вагонов и спеша обратно – под защиту каменных сводов. Гуляющий по пустырю, ничем не сдерживаемый ветер остервенело набрасывался на тени, казалось, грозя разорвать их в лоскуты. Многие из них качались под порывами, но всё же продолжали свой путь. Молча. Смертельно уставшие люди не находили в себе сил даже на то, чтобы браниться.

Двуногий, что привёл меня сюда, направился к собрату, единственному, что следил за вереницей рабочих, кутаясь в огромный пуховик. Они перебросились парой фраз, которые ветер растерзал ещё до того, как они успели сорваться с уст. Впрочем, и без них было понятно, зачем двуногий прибыл сюда в столь ранний час. После короткого разговора он тут же направился в ворота склада, из которых показался уже с огромным мешком за плечами. Было видно, как дрожат его ноги, как он покачивается из стороны в сторону – не от холода или усталости. В теле его, некогда сильным и выносливым, поселилась немощь. В этот самый момент я осознал, чем так несло от незнакомца. Он вонял смертью.

Я смотрел, как двуногий старательно тащит тяжести, будто специально выбирая самые грузные мешки и ящики, словно пытаясь доказать себе и Той, что пришла за ним, что он ещё способен бороться, что ещё может стоять на ногах, не смотря на все удары бессердечной суки–Судьбы. Я смотрел и поражался его злому упорству, неверию в то, что он уже обречён.

Поднявшись, я пошёл к воротам склада, чтобы нырнуть в полумрак, а затем появиться с мешком в зубах. С такой же тихой злостью, как все двуногие, я волочил груз в сторону распахнутых створок вагона. Рабочие, пробегая мимо, задерживались и ненадолго замирали, с удивлением наблюдая за мной. Их это забавляло. Удивительно, но моё появление словно придало им сил – двуногие стали работать быстрее, в воздухе зазвучали беззлобные шутки и подтрунивания. Даже надсмотрщик, явно вознамерившийся было прогнать меня, лишь махнул рукой и заулыбался.

Так за работой мы и встретили рассвет. Выглянувшее над крышами солнце прогнало студёный ветер, пролив на нас лучи и долгожданное тепло, вселяя надежду на то, что это ещё не конец.

Когда ворота последнего вагона захлопнулись, все собрались вокруг надзирателя, довольно улыбаясь и потирая ладони, то ли от мороза, то ли в ожидании оплаты. Когда незнакомец в пуховике расплачивался с двуногим, то посмотрел на меня, хмыкнул и добавил несколько монет сверху положенного. А тот подошёл и, присев на корточки, поднёс к моей морде ладонь.

– Ну что, наш первый совместный заработок?

Затем потрепал меня по холке, добавив:

– Сегодня пируем!

Мысли о горячей еде, в которую вот-вот должны были превратиться заработанные монеты, согрела душу и слегка притупила вгрызшийся в брюхо голод.

IV

Даже сквозь смрад города, сплетённый из запахов бензина, сырого бетона и немых тел, сквозь повисшее над коробками зданий марево пахло весной.

Солнце, ещё недавно проглядывавшее сквозь плотные тучи белёсым призраком, грело старую шкуру, вселяя надежду на будущее. Весна. Время, чтобы жить.

Теперь мы пробирались по разбитым переулкам – изодранным артериям старого города. Двуногий явно сторонился своих собратьев. Впрочем, те отвечали ему взаимностью, обходя нас по большой дуге. Напряжение чувствовалась в каждом шаге спутника. Было видно, что он с трудом перебарывает желание двинуться обратно – туда, где его не будут стеснять нависающие утёсы зданий. И всё же он шёл вперёд, гонимый настойчивым урчанием желудка и звоном монет в кармане. Теперь оставалось лишь найти место, где можно будет обменять металл на пищу.

Проходящие мимо двуногие наверняка только бы усмехнулись, увидев содержимое его карманов, назвали бы наше состояние мелочью. Для нас же это было целым богатством – ещё один день жизни.

Узкая улочка влилась в мутное озеро площади, разлившейся перед возвышающейся громадой храма. Нос тут же резануло запахом нечистот, спеси и лжи. Собравшиеся на паперти нищие начинали тихо причитать, стоило только очередному сверкающему автомобилю подъехать к воротам. Они истово крестились и подобострастно возносили хвалы, если хоть один из посетителей с чувством собственного превосходства облагодетельствовал их парой монет. Если же простой прихожанин клал свои крохи в кружки нищих, те в ответ лишь молча кивали.

Едва мы появились на площади, как попрошайки тут же зло уставились на нас. Это была их территория и допускать чужаков к своей кормушке они не собирались. Двуногий поспешно миновал ворота, стараясь поскорей сбежать от ненавидящих взглядов. Нищие же, увидев, что на их место никто не претендует, зло пробурчали нам вслед и принялись трясти кружками перед новым спесивым посетителем, затянув выученную мелодию бесконечных причитаний.

Я обернулся, чтобы ещё раз взглянуть на пир лицемерия. В голову навязчиво лезли слова одного старого дога: "Нищета не знает границ. Где-то на паперти людей больше, где-то меньше, но паперти есть везде." Тогда, будучи ещё совсем щенком, я не верил, что во всём огромном мире нет такого места, где не слышали о нищете и голоде. Теперь я знаю это наверняка.

За углом каменной изгороди, отделяющей владения храма от остального города, мы наткнулись на женщину. Измученная, она кутала в рваном тряпье ребёнка. На паперти ей не нашлось места – видимо, бедняки побоялись такой конкуренции. Однако в отличие от тех ряженых, женщина нищенствовала по-настоящему. От неё пахло одиночеством, обречённостью и смертью. Здесь за углом, где редко бывали даже обычные прихожане и уж точно никогда не останавливались дорогие автомобили посетителей храма, ей не на что было надеяться. Да она и не ждала милости. Окончательно сломленная жестокостью этого мира, женщина сидела в ожидании своей участи. Ребёнок, уткнувшись лицом в материнскую грудь, тихо сопел, забывшись от голода сном.

Двуногий замер перед ними, несколько секунд смотрел на развернувшуюся трагедию, затем резко сунул руку в карман и, сжав в кулаке всё наше скудное богатство, протянул женщине, вложив убогую горстку монет в подол истрёпанного платья. Затем, словно боясь передумать, поспешил к переулку.

Сегодня мы будем голодать. И чёрт с ним. Оно того стоило.

V

Если брать в целом, то, как ни крути, весь мир – одна большая помойка. Ни для кого не секрет, что в этом повинны лишь двуногие, возомнившие себя Венцом Творения, а на самом деле не превосходящие разумом слепого щенка, что ходит исключительно под себя.

Желчью этих мыслей я пытался вытравить смрад, пока мы с моим Человеком рылись в помоях. Имени своего спутника я так и не узнал, а причислять к общей массе двуногих после того случая с женщиной просто не мог. И теперь я вполне мог позволить себе называть его «моим». Так у меня и появился мой Человек. Конечно, у него не было тёплого дома и миски с моим именем, доверху наполненной кормом, зато у него было нечто большее, чего не передать словами.

Поиски шли не так чтобы удачно – из-за висящего над баками амбре от моего носа не было никакого толка, что уж говорить о неполноценном обонянии моего Человека. Сквозь завалы помоев мы продвигались практически вслепую. Так или иначе, но нам не удалось наткнуться на что-либо съедобное, чем просто можно набить брюхо. Ко всему прочему, мы были на чужой территории – помеченные углы ясно давали об этом знать, а потому следовало убраться, пока хозяева не вернулись с обхода владений.

Переворошив последний бак, мы двинулись дальше. На этот раз вёл я – Человек понуро плёлся следом, ни на что не обращая внимания. Казалось, отведи я его напрямиком на бойню, он бы и этого не заметил.

Солнце уже поднималось к зениту и радостно светило с безоблачной небесной тверди, согревая выстуженную землю. Однако даже его лучи не могли обогреть наших душ, измученных голодом и долгой зимой. Настало самое время посетить ещё одно место.

Уже на подступах я почуял, что желающих поживиться дармовыми объедками у дверей служебного входа в ресторан собралось уже предостаточно. Я обречённо вздохнул, хотя и не рассчитывал на лёгкую добычу – это не укрылось от внимания моего Человека. Он ничего не сказал, лишь молча заиграл желваками, будто моё предчувствие предстоящей драчки передалось и ему.

У неприметной утопленной в стену двери столпилась разномастная свора. Все они сидели, уставившись на закрытый проём, ожидая появления сердобольного повара, несущего кастрюлю с объедками. Бросавшие друг на друга недовольные взгляды, псы затравленно оглянулись, стоило нам только вынырнуть из тоннеля подворотни. Четвероногие нищие поднялись и направились к нам, злобно скалясь и тихо рыча. С трудом терпя друг друга, они явно не хотели делить место на своей паперти ещё и с чужаками. Человек, увидев подступающую широким полукругом свору, отступил в тень переулка и приготовился дать голодным тварям отпор. Исход кровавой резни не сложно было предугадать. К счастью для нас бойни так и не случилось. Тихий многоголосый рык оборвал едва различимый щелчок замка и свора, вмиг потеряв обличье кровожадной стаи, повизгивая и поскуливая бросилась к двери, встречая своего благодетеля. Яростно молотя в воздухе хвостами и заискивающе заглядывая в глаза, они вились вокруг радушно хохотавшего краснощёкого толстяка. От двуногого пахло теплом, достатком и едой. Манящий аромат приготовленных блюд впитался в его белоснежную одежду. Источаемый ею, он стал окутывать морозный воздух улицы, заглушая смрад сырости и помоев. Прочих моих собратьев этот запах приводил в исступление, дразня беснующихся от голода желудки. Все мысли их сейчас были заняты только внушительной старой кастрюлей, которую повар уже намеревался поставить на землю. Я же чувствовал и другой запах. Сквозь благоухание горячей пищи незаметно струился слабый смрад пота. В каменной коробке без единого окна, среди десятка газовых костров, медленно пожирающих кислород, целый день кромсая мясо и овощи для блюд, многие из которых не по карману ему самому, мужчина всё же находил время, чтобы

собрать оставленные посетителями объедки и вынести на задний двор – подарить ещё один день жизни лохматым бродягам.

Стоило только алюминиевому дну коснуться мостовой, как свора тут же набросилась на объедки. Они пожирали милостыню молча, хотя я чувствовал, как измученные голодом собратья с трудом сдерживают рвущийся из глотки рык. Они были готовы вцепиться в глотку любому, кто попытался бы сунуть морду вперёд них, но смиренно глотали свою ярость вместе с очередным куском, не рискуя гневить благодетеля. Тот, тем временем, устало привалился к двери и с улыбкой смотрел на подопечных.

Я неуверенно направился к своре. Было ли мне страшно? Безусловно. Дюжина сук и кобелей могли бы вмиг разорвать меня в порыве неудержимой ярости. И всё же голод был сильнее страха. А ещё оставалась хрупкая надежда на то, что пирующие нищие не набросятся на чужака в присутствии щедрого подателя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.